

DOI 10.35775/PSI.2025.124.12.038

УДК 32.327

АЛЬ-ХАФАДЖИ ХАМЗА ХУСНИ МУХАММЕД АЛИ

аспирант Казанского федерального университета,

Россия, г. Казнь

E-mail: Hamzaalkhafaji@yandex.ru

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ИРАКА В 21 ВЕКЕ

В XXI веке военно-политические связи между Россией и Ираком выстраивались в условиях конкуренции, внешнеполитического давления и изменения национальных стратегий в сфере оборонных закупок. Статья рассматривает изменения в характере поставок вооружений, логистических схемах и форме технической поддержки, анализируя причины и последствия переориентации отдельных сегментов иракского оборонного заказа. Целью исследования стало выявление логики эволюции российско-иракских военно-технических контактов и факторов, оказывающих на них влияние. Задачи включали классификацию моделей поставок, выявление их особенностей и оценку распределения долей на рынке между главными внешними игроками. В качестве методологической основы использованы сравнительный подход, статистический анализ по базе SIPRI Arms Transfers Database и интерпретация данных отраслевых и экспертных источников. Отдельное внимание уделено переходу от масштабных экспортных поставок к сервисно-ремонтному формату после 2022 года. Выявлено, что российская сторона сохраняет технологическое присутствие через обслуживание техники, несмотря на санкционные барьеры. Анализ показал, что Ирак стремится адаптировать закупки к возможностям собственной инфраструктуры, диверсифицируя поставщиков в зависимости от типа вооружений.

Ключевые слова: Ирак, Россия, военно-техническое сотрудничество, вооружения, поставки, контракты, модернизация, SIPRI, санкции, диверсификация.

Роспуск силовых структур после падения режима С. Хусейна привел к разрушению механизмов управления в Ираке. Армия и полиция лишились командного состава и подготовленных кадров, что усугубило внутренние противоречия. Племенная конкуренция, затяжные споры вокруг курдского вопроса и расхождения между влиятельными группами создавали препятствия для нормализации обстановки. Возникшая ситуация заставила новые власти в Багдаде ускорить поиск внешних партнеров, готовых предоставить вооружение и помочь в подготовке личного состава. Правовая база для привлечения международной поддержки появилась после принятия Советом Безопасности ООН резолюции 1546 от 8 июня 2004 года [5], подтвердившей признание новых государственных институтов Ирака и допустившей их укрепление при содействии иностранных государств. На указанной основе в 2013 году был заключен договор между

Россией и Ираком, предусматривавший поставки вооружений, сопровождение техники, обучение военнослужащих и организацию совместных проектов [6].

Ситуация изменилась в 2014 году, когда быстрый рост влияния ИГ (1) и падение обороноспособности страны создали угрозу для столицы. Возникла необходимость срочного пополнения сил. Ираку требовались ударные вертолеты, штурмовая авиация, системы ближнего боя и противотанковое вооружение. Российская сторона откликнулась оперативно. По данным SIPRI, в 2013-2019 годах объемы поставок превосходили возможности других экспортеров, а Ирак вошел в число основных покупателей российской техники [11]. Переданные комплексы решали конкретные задачи, укрепляя наиболее уязвимые участки обороны. Авиация, средства ПВО и противотанковые системы компенсировали потери и усиливали боевой потенциал, что дало возможность дополнить существующие каналы снабжения, ранее ориентированные преимущественно на сотрудничество с США.

Иракские контракты имели важный экономический эффект для российской оборонной промышленности. Поставки задействовали предприятия, выпускающие двигатели, боеприпасы, электронные компоненты и обеспечивающие ремонтное обслуживание. Все это поддерживало занятость квалифицированных специалистов и сохраняло технологическую базу. Наряду с этим военно-техническое сотрудничество укрепляло внешнеполитические позиции России. Отсутствие политических условий воспринималось в Ираке в качестве подтверждения уважения к суверенитету и самостоятельности в выборе партнеров [4. С. 61].

Переоценка внешнеполитических ориентиров Ирака стала неизбежной после 2011 года, когда военное присутствие США в регионе было свернуто. В результате у иракского руководства возникли сомнения в надежности американской поддержки. Прежняя уверенность сменилась настороженностью, поскольку поставки вооружения со стороны западных компаний стали связываться с политическими условиями. Помимо этого, западные страны вводили бюрократические ограничения, мешавшие полноценному доступу к необходимым вооружениям. На этом фоне внимание Ирака было обращено к России, партнеру, не склонному диктовать политические требования и готовому предоставить помощь в кратчайшие сроки. Россия в 21 в. стремилась восстановить утраченные позиции в регионе и рассматривала Ираке в качестве одного из наиболее перспективных партнеров.

Упрощение процессов адаптации российских вооружений в иракской армии во многом объяснялось исторической преемственностью. Большая часть техники, ранее поступившей из СССР, продолжала использоваться и спустя десятилетия. Данное обстоятельство делало новые контракты удобными с технической точки зрения. Поставляемые образцы были хорошо знакомы местным специалистам, поскольку навыки по их эксплуатации и ремонту сохранились. Внедрение современных систем, включая противотанковые ракетные комплексы, средства ближнего радиуса действия и армейскую авиацию, происходило без необходимости пересмотра всей структуры вооруженных сил. Ставка делалась на принцип

оперативного насыщения армии ресурсами, способными быстро усилить бое-способность при минимальных издержках.

Реальные боевые действия на территории Сирии, в которой применялись те же образцы техники, стали аргументом в пользу российской продукции. Многочисленные операции подтвердили функциональность поставляемых систем в обстановке, приближенной к иракским условиям. Созданная таким образом ситуация служила своеобразным испытательным полигоном, в рамках которого наблюдалась эффективность боевых платформ в реальном времени. Обучение иракского персонала проводилось с участием специалистов, обладающих опытом работы в зонах боевых действий, а техническое сопровождение основывалось на отлаженных логистических и инженерных процедурах [2. С. 18].

Помимо военной составляющей, сближение между Ираком и Россией в во многом опиралось на экономическое сотрудничество, прежде всего в сфере энергетики. Нефтяной экспорт составляет основу иракской финансовой системы, а защита инфраструктуры требует развития системы безопасности. Российские компании, действовавшие в Ираке в рамках проектов на Западной Курне-2, Блоке-10 и других локациях, были напрямую заинтересованы в обеспечении охраны своих объектов. В этом контексте военно-техническое партнерство стало нововведением механизмом защиты инвестиций и гарантий физической стабильности, необходимой для продолжения хозяйственной деятельности [3. С. 112].

Способность поставщика предоставить готовое к применению решение в максимально короткие сроки стала главным критерием при выборе партнеров для Ирака. Потребность в максимально простых и надежных системах обусловила интерес к тем моделям, которые уже имелись в иракском арсенале или были хорошо знакомы с предыдущих этапов. К примеру, вертолеты Ми-17 воспринимались надежными и понятными в эксплуатации, что подтверждается реконструкцией событий, выполненной Д. Калли. Он указывает, что на момент начала закупок в стране отсутствовали подготовленные школы для пилотов, техников и авиационного диспетчерского состава, что сужало круг возможных поставок [8. С. 81]. Наземная техника отбиралась по схожему принципу. Приоритет получали те образцы, которые не требовали сложных процедур адаптации и могли обслуживаться на существующих технических мощностях. Основные боевые танки, ближние средства ПВО и другие сравнительно простые системы соответствовали критерию ремонтпригодности в условиях нехватки обученного персонала. Согласно аналитике SIPRI, в 2012-2016 годах наблюдался рост импорта подобной техники, большая часть которой поступала из России [12].

Не менее важной составляющей была экономическая и эксплуатационная адаптированность. Финансовая нестабильность, отсутствие стабильных каналов снабжения и экстремальные климатические условия повышали требования к технике. Наиболее уязвимыми в подобных обстоятельствах оказывались сложные авиационные комплексы, не рассчитанные на засорение песком, резкие перепады температур и дефицит квалифицированного обслуживания. На их фоне бронетехника, с уже имеющейся ремонтной базой, воспринималась как более надежный выбор.

Важным контекстом служила и внутренняя организация оборонных закупок. По данным исследовательского центра «Аль-Баян», в Ираке того периода отсутствовал единый координирующий механизм между профильными ведомствами, что приводило к задержкам в заключении контрактов, размытию ответственности и неэффективному расходованию средств. Все это увеличивало зависимость от поставщиков, способных предложить полный комплект услуг в краткие сроки. Страны, готовые предоставить заранее согласованные пакеты, включая технику, подготовку, обслуживание и логистику, получали приоритет. По этой причине, согласно исследованию Н.С. Ревенко привлекательность России заключалась в ее способности заключать комплексные соглашения без промежуточных этапов. Российские контракты строились на принципе полного охвата жизненного цикла техники. Партнерство включало интеграцию запасных частей, сопровождение на всех этапах, возможность отправки техники на капитальный ремонт в страну-изготовитель и даже участие в формировании базовой инфраструктуры. Важной составляющей и вспомогательные объекты, рассчитанные на обслуживание и обучение, что создавало условия для долгосрочного присутствия [4. С. 63].

Существенное расширение оборонных возможностей Ирака в начале 2010-х годов было связано с заключением контракта, оцененного различными источниками в сумму около 4,2 миллиарда долларов. Документ, подписанный в 2012 году, предполагал восполнение критических пробелов в составе армейской авиации и средств ближнего воздушного прикрытия. Согласно базе данных SIPRI, в течение 2012-2013 годов были оформлены заказы на 28 вертолетов Ми-35 и 15 Ми-28. Их поставка намечалась к моменту постановки на боевое дежурство в 2014 году. Комплекс «Панцирь-С1» входил в перечень заявленных систем [13].

Оперативные условия изменились летом 2014 года. Наступление отрядов ИГ (1) поставило вопрос о пересмотре темпов передачи техники. Ирак запросил ускоренную поставку штурмовой авиации, и в короткие сроки на территорию страны прибыли самолеты Су-25, введенные в боевую работу практически сразу после прибытия. По информации SIPRI, в течение 2014 года были переданы пять Су-25 и несколько единиц тяжелых огнеметных систем ТОС-1. Уже к началу 2015 года переданная техника использовалась для нанесения ударов с малых высот и поддержки подразделений в зонах боевого соприкосновения. Параллельно с поставками шло обучение персонала. По сведениям, опубликованным в профильных исследованиях, подготовка пилотов и технических специалистов осуществлялась в координации между Министерством обороны России, «Рособоронэкспортом» и другими структурами, участвовавшими в межгосударственных консультациях. Программа включала курсы подготовки и снабжение комплектующими, организацию регламентного обслуживания и реализацию модернизационных решений [7].

Развитие оборонного сотрудничества между Россией и Ираком в период после 2016 года происходила на фоне относительной стабилизации на линии фронта. Приоритет с оперативных поставок авиационных платформ был смещен в сторону бронетанковой составляющей и систем долгосрочной боевой поддержки. Центральным событием стала реализация контрактов на передачу

танков Т-90С и Т-90СК, первые из которых поступили в страну в 2018 году. По данным SIPRI, общее количество поставленных единиц составило 73 танка и 19 вертолетов Ми-28Н, закупленных в тот же период. Параллельно с танками Ирак закупал и другие виды вооружения. В списке фигурировали противотанковые управляемые ракеты «Корнет-Э», образцы стрелкового оружия и связанные с ними системы. Каждое направление оформлялось отдельным контрактом, но в совокупности они выстраивали единый контур снабжения, ориентированный на поддержку сухопутных подразделений. Факт наличия комплексов «Корнет» в составе иракских сил подтвержден в ряде российских источников, отражающих текущее состояние военного сотрудничества [1].

Включение технической поддержки в структуру контрактов обеспечило сохранение боеспособности уже поставленной техники. Иракская сторона применяла практику расширенных соглашений, в рамках которых организовывались поставки ЗИП, проводился ремонт вертолетных узлов и продлевался ресурс бронемашин. Специальные программы были ориентированы на регламентное обслуживание и модернизацию, прежде всего в отношении Т-90.

Важно отметить, что Россия не являлась единственным поставщиком вооружений в Ирак. Можно разделить поставки вооружений в Ирак на 3 модели. Первая, предложенная США, строилась на базе программы Foreign Military Sales и являлась централизованной структурой, в которую входили CLS-контракты, унифицированные каналы поставок, длительные циклы обучения и связь с коалиционным планированием. В рамках данной системы Ирак получил танки М1А1 и истребители F-16IQ. Тем не менее, несмотря на технический потенциал, внедрение сопровождалось длительными задержками и нормативными ограничениями [10].

Иная логика лежала в основе российского подхода. Он базировался на комплексных поставках, включавших технику, обучение, запасные части и сопровождение. Модель оказалась привлекательной для Ближнего Востока и Азии прежде всего за счет коротких сроков развертывания и адаптации под уже существующую техническую инфраструктуру. Третью нишу заполнили страны, не имевшие столь крупных объемов, но укреплявшие позиции в отдельных сегментах. Китай, Турция и европейские производители в 2010-е годы сконцентрировались на развитии беспилотных решений, расширяя предложение в сфере ударных БПЛА.

Между указанными поставщиками развивалась конкуренция по ряду направлений. Структурно американская модель обеспечивала встраивание в международную коалиционную структуру, а российская стремилась к ускоренной передаче техники с расчетом на уже существующий иракский кадровый и ремонтный потенциал. При расчете жизненного цикла американские контракты тяготели к длительным логистическим и складским соглашениям, а российская практика строилась на модернизации уже знакомой техники. Конкуренция усиливалась и в технологически перспективных зонах. Китай укреплял позиции в секторе БПЛА за счет решений семейства CH-4, а Турция выстраивала нишу вокруг собственной беспилотной продукции и отдельных боевых платформ.

Политика Ирака заключалась в распределении закупок по функциональным направлениям. Для авиационных платформ западного типа, в которых критически важна инфраструктурная совместимость, приоритет отдавался США. В зонах, где уже была налажена эксплуатация советской техники, Ирак работал с Россией, главным образом в поставках бронетехники, вертолетов и средств ближней ПВО. В сегменте БПЛА предпочтение получали китайские поставки [9].

Если проследить распределение по основным категориям, то в сфере истребительной авиации американская доля США составляет 55-60%. За ней следует Республика Корея с 20-25%, чешские поставки в пределах 10-15%, а российские платформы занимают 5-10%. Вертолетный сегмент показывает иное соотношение. Россия держит 45-55%, США находятся в пределах 25-35%, европейские производители в диапазоне 15-25%. По основным боевым танкам распределение сужается до двух поставщиков. США обеспечивают 60-65%, российские поставки формируют оставшиеся 35-40%. В сфере ближней ПВО распределение обратное. Российские комплексы, включая «Панцирь», охватывают 65-75% поставок, а прочие страны обеспечивают оставшиеся 25-35% [11].

Прекращение поставок российской военной продукции в Ирак после 2022 года стало следствием изменений в международной финансовой и логистической среде. По данным SIPRI, в период 2022-2024 гг. отсутствуют сведения о новых экспортных поставках, поэтому основная нагрузка переместилась на поддержание работоспособности уже имеющихся вооружений. В условиях, в которых расчеты в долларах и евро оказались затруднены, а доступ к страховым и транспортным услугам западной юрисдикции существенно сузился, российские предприятия были вынуждены перенаправить ресурсы на внутренние программы и импортозамещение. Для Ирака это означало сохранение зависимости от прежних контрактов и от точечных закупок, не опирающихся на критически важные зарубежные комплектующие.

Санкционное давление проявлялось в различных формах. Финансовый блок затрагивал операции через западные банки и ограничивал возможности для долгосрочных расчетных схем. Перевозка грузов военного назначения усложнялась запретами на морские и воздушные перемещения, а ограничения в страховании и перестраховании повышали риски любой крупной сделки. Совокупность этих факторов снижала вероятность подписания масштабных контрактов. В аналитических материалах отмечаются попытки адаптации к условиям, в том числе использование национальных валют, создание собственных расчетных инструментов и переход к схемам, не связанным с международной финансовой инфраструктурой. В результате в военно-техническом взаимодействии между странами стала заметной переориентация на обслуживание уже поставленных систем. Речь идет о ремонте, модернизации и поддержании ресурса техники. В отчетах SIPRI за 2022-2023 годы фиксируется снижение экспортной выручки части российских предприятий и одновременное усиление оборонных холдингов, работающих на внутренние заказы [14].

В заключении хотелось бы отметить, что российско-иракское военно-политическое сотрудничество в 21 веке развивались через краткосрочные и долгосрочные контракты, совместные проекты и обучение персонала. В 2010-е годы

Россия укрепила свое присутствие за счет передачи бронетехники, ударных вертолетов и систем ближней ПВО, предлагая решения, которые не требовали глубокой перестройки местной технической базы. Ирак стремился диверсифицировать поставки. В авиации ставка делалась на американские платформы, в области БПЛА на китайские, а российское вооружение применялось в тех сферах, в которых уже имелся опыт эксплуатации. Главным образом это касалось бронетехники, вертолетов и систем ПВО. После 2022 года поставки сошли на нет, что было связано с внешнеполитическими ограничениями и переориентацией российского оборонного сектора на внутренние задачи. Тем не менее, прежние контракты продолжили действовать в режиме обслуживания и модернизации. Несмотря на внешние барьеры, Россия сохранила практическое присутствие в иракской оборонной сфере через ремонт, обучение и поддержку уже поставленной техники.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Запрещенная в РФ организация.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Звягельская И.Д., Сурков Н.Ю.** Российская политика на Ближнем Востоке: дивиденды и издержки большой игры // Российский совет по международным делам. Рабочая тетрадь № 51. 2019 // <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-MiddleEast-WP51Ru.pdf>.
2. **Мирзеханов В.С.** Военно-техническое сотрудничество России со странами Ближнего Востока как фактор стабильности в регионе // Россия и современный мир. 2022. № 2 (115).
3. **Пашкова Е.В., Аль-Халиди Х.И.Х.** Роль нефтяной отрасли в экономическом и политическом развитии Ирака // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 3.
4. **Ревенко Н.С.** Экономические аспекты военно-технического сотрудничества России со странами Азии и Ближнего Востока // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9.
5. Резолюция Совета Безопасности ООН 1546 (2004) // ООН // [https://docs.un.org/ru/S/RES/1546\(2004\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1546(2004)).
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Ирак о военно-техническом сотрудничестве, 2013 // МИД РФ // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44307/.
7. **Фролов А.** Багдадские встречи: об итогах прорывного визита российской делегации в Ирак // Российский совет по международным делам. 2016 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bagdadskie-vstrechi-ob-itogakh-proryvnogo-vizita-rossiyskoy>.
8. **Cully G.** Adapt or Fail: The USAF's Role in Reconstituting the Iraqi Air Force, 2004-2007. Maxwell AFB, AL: Air University Press, 2017.

9. **Kania E.** The PLA's Unmanned Aerial Systems: New Capabilities for a «New Era» of Chinese Military Power / China Aerospace Studies Institute (Air University) // https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/CASI/documents/Research/PLAAF/2018-08-29%20PLAs_Unmanned_Aerial_Systems.pdf.
10. **Knights M.** The Future of Iraq's Armed Forces. Baghdad: Al-Bayan Center for Planning and Studies, 2016 // <https://www.bayancenter.org/en/wpcontent/uploads/2016/03/The-future.pdf>.
11. SIPRI Arms Transfers Database // <https://www.sipri.org/databases/armstransfers>.
12. SIPRI Arms Transfers Database. Iraq – Trade Registers / SIPRI // <https://www.sipri.org/databases/armstransfers>.
13. SIPRI Yearbook 2015. Chapter 2, Section III: Arms transfers and the use of force against the Islamic State // SIPRI // <https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRIYB15c02s0.pdf>.
14. The SIPRI Top 100 Arms-producing and Military Services Companies, 2023. SIPRI Fact Sheet. Stockholm: SIPRI, 2024 // https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-11/fs_2412_top_100_2023_0.pdf.

AL-KHAFAJI HAMZA HUSNI MUHAMMAD ALI

PhD student of the KFU,

Kazan, Russia

MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND IRAQ IN THE 21ST CENTURY

In the 21st century, military-political ties between Russia and Iraq were built in the face of competition, foreign policy pressure, and changes in national defense procurement strategies. The article examines changes in the nature of arms supplies, logistics schemes and the form of technical support, analyzing the causes and consequences of the reorientation of individual segments of the Iraqi defense order. The purpose of the study was to identify the logic of the evolution of Russian-Iraqi military-technical contacts and the factors influencing them. The tasks included classifying supply models, identifying their features, and assessing the distribution of market shares among the main external players. A comparative approach, statistical analysis based on the SIPRI Arms Transfers Database, and interpretation of data from industry and expert sources were used as a methodological basis. Special attention is paid to the transition from large-scale export shipments to the service and repair format after 2022. It was revealed that the Russian side maintains a technological presence through the maintenance of equipment, despite the sanctions barriers. The analysis showed that Iraq is striving to adapt purchases to the capabilities of its own infrastructure, diversifying suppliers depending on the type of weapons.

Key words: Iraq, Russia, military-technical cooperation, armaments, supplies, contracts, modernization, SIPRI, sanctions, diversification.